

— АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА —

ГРЯЗНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ
ДЖЕССИКИ
♡

18+

Александра Ветрова

Грязные похождения Джессики

«Автор»

2026

Ветрова А.

Грязные похождения Джессики / А. Ветрова — «Автор», 2026

Джессика — успешная, свободная и потерянная. Она меняет мужчин, как страницы в книге, надеясь, что следующая глава принесёт ей то, чего так не хватает: ощущение полноты и тепла. Но каждая новая встреча — лишь зеркало, в котором она видит собственные страхи и желания. Маркус, Алекс, Виктор, Егор, Марк, Илья — каждый из них оставляет след, каждый чему-то учит. Но сможет ли Джессика перестать бежать от самой себя и выбрать не очередное приключение, а настоящую близость?

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первое искушение	5
Глава 2. Мужчина из соседнего дома	9
Глава 3. Запретный роман	13
Глава 4. Одна ночь в чужом городе	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Грязные похождения Джессики

Глава 1. Первое искушение

Вечер пятницы должен был стать бесконечным, ленивым продолжением её обычной, тщательно выверенной жизни. Джессика сидела в баре, который выбрала исключительно потому, что он был не похож на те заведения, где её могли узнать. Это было тихое, почти безлюдное место с приглушённым светом, где бармен с седеющими висками протирал бокалы с ритуальной неторопливостью, а джаз лился из динамиков, словно густой, тягучий мёд. Она потягивала «Негрони», ледяной, с горьковатой ноткой, которая идеально соответствовала её настроению. Джессика не искала приключений. Она искала тишину. Но вселенная, как это часто бывает, имела на этот вечер совершенно другие планы.

Он появился, словно материализовавшись из полумрака у противоположной стены. Это был не тот мужчина, на которого она обычно обращала внимание. Никакого лоска, никакой броской уверенности в каждой линии дорогого костюма. Он был высок, чуть неуклюж в своей массивности, с вьющимися тёмными волосами, которые он то и дело нетерпеливо убирал со лба. На нём была простая чёрная футболка и потёртые джинсы, но держался он с той спокойной, неосознанной силой, которая сразу же привлекла внимание Джессики. Он не смотрел по сторонам в поисках компании, а просто сел за стойку в двух креслах от неё, заказал виски и устался в пространство, словно решая в уме какую-то сложную, но увлекательную задачу.

Джессика поймала себя на том, что наблюдает за ним, за тем, как играют мышцы на его предплечьях, когда он поднимает стакан. Она отвела взгляд, сделав ещё глоток, но чувство его присутствия оказалось навязчивым, как аромат дорогих духов в маленькой комнате. Тишину между ними нарушил не он, а она, сама того не ожидая.

— Иногда лучший способ решить задачу — перестать о ней думать, — сказала она, удивившись собственному голосу. Он прозвучал мягко, но достаточно громко, чтобы перекрыть ненавязчивую саксофонную партию.

Мужчина медленно повернулся, и Джессика наконец увидела его глаза. Тёмно-карие, почти чёрные, с глубокими, пронзительными тенями, они, казалось, видели её насквозь. На его лице не было ни улыбки, ни удивления, только внимательный, изучающий взгляд, от которого у неё по спине пробежал холодок, а затем — волна жара, поднимающаяся откуда-то из глубины живота.

— Вы правы, — ответил он. Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой, словно он только что проснулся. — Но иногда проблема в том, что перестать думать — это самая сложная часть. — Он чуть приподнял свой стакан в безмолвном тосте. — Маркус.

— Джессика, — отозвалась она, и в этот момент между ними протянулась невидимая нить. Не просто знакомство, а некое взаимное узнавание, вспышка на подсознательном уровне, которую невозможно было объяснить логикой.

Он пересел в кресло рядом с ней, и Джессику мгновенно окутал запах его кожи — смесь виски, чего-то древесного и неуловимого, терпкого, как воздух перед грозой. Вблизи он оказался ещё более притягательным. От него исходила осязаемая, почти животная энергия, но не агрессивная, а скорее спокойная, как у большого хищника, который знает, что ему не нужно никому ничего доказывать. Их разговор потёк легко, словно река, нашедшая своё русло. Они говорили о музыке, о книгах, которые оба любили, но читали в разное время, о путешествиях, которые ещё не совершили. Каждое его слово было выверено, но не сухо, а полно какой-то внутренней, сдержанной страсти. Он смотрел на неё так, как никто и никогда прежде: не на её тело, её лицо или её одежду, а куда-то глубже, в самую суть, заставляя её чувствовать себя обнажённой, но при этом не испуганной, а невероятно живой.

— Вы не такая, как большинство женщин, которых можно встретить в подобных местах, — заметил он, когда Джессика рассмеялась над его ироничным замечанием о современном искусстве.

— И какая же я? — Её голос был игривым, но в глазах застыл серьёзный вопрос.

— Вы здесь не для того, чтобы вас заметили, — сказал он, подавшись чуть вперёд. — Вы здесь, чтобы спрятаться. И это самое интересное. — Его взгляд скользнул по её губам, на мгновение задержался на изгибе шеи, и Джессика почувствовала, как частота её пульса ускорилась. — Но у вас это плохо получается. Вы слишком... сияете. Даже в тени.

Это было настолько неожиданно и точно, что Джессика потеряла дар речи. Обычно она сама контролировала беседу, направляла её в нужное русло, но здесь правила диктовал он. Или, возможно, никто не диктовал правил, кроме самого воздуха, который между ними сгустился до плотности почти физической. Она ощущала его близость каждой клеточкой своей кожи. Он не пытался её коснуться. Пока нет. Но Джессика ловила себя на том, что ждёт этого, напряжённо вслушиваясь в паузы между его словами, в его дыхание.

— А вы? — спросила она, облизнув пересохшие губы. — Что вы здесь делаете?

— Убегаю от скуки, — ответил он просто. — Скука — это единственный враг, с которым я не умею бороться. Она — как ржавчина. Разъедает изнутри. А вы? Вы бежите от чего-то конкретного или просто от размеренности?

Его прямота была обезоруживающей. Джессика поняла, что не может лгать ему, да и не хотела. Она бежала от самой себя, от той предсказуемой, успешной, самостоятельной женщины, которой она стала по чьему-то чужому сценарию. От рутины, которая незаметно подменила жизнь.

— От повторений, — призналась она, и слово повисло в воздухе, как ключ к разгадке.

Маркус кивнул, словно ожидал этого ответа. Он поднялся, и это движение было настолько плавным, что Джессика ощутила разочарование оттого, что он уходит. Но он не ушёл. Он протянул ей руку. Ладонь была широкой, с длинными пальцами, и Джессика, не раздумывая, вложила в неё свою. Его пальцы сомкнулись вокруг её запястья. Не сильно, но властно. Кожа к коже. Это прикосновение было как электрический разряд, прошедший по её руке прямо к сердцу, заставивший её вздрогнуть. Она почувствовала, как под его большим пальцем бьётся её пульс — часто, требовательно.

— Меня тоже, — сказал он, и его голос стал ниже, интимнее. — Пойдём. Здесь слишком много лишнего воздуха.

Она даже не подумала о том, чтобы возразить. Схватив свою сумочку, Джессика позволила увести себя из бара. Ночной воздух обжёг её разгорячённую кожу, и она поняла, насколько ей было душно внутри, насколько тяжело ей было дышать от напряжения. Он не выпускал её руки, и это прикосновение было центром вселенной. Они шли молча. Улицы были пусты, и их шаги гулко отдавались в тишине. Джессика не знала, куда он её ведёт, да это и не имело значения. Она чувствовала, как в ней поднимается волна чего-то первобытного, жадного, требующего выхода. Она хотела, чтобы он снова посмотрел на неё так, как в баре — словно она была не просто женщиной, а загадкой, которую он жаждет разгадать.

Он остановился у старого, обшарпанного дома, который выглядел так, будто его собирались сносить. Достав ключи, он отпер массивную дверь, пропустил её вперёд, и она оказалась в полутёмном подъезде, пропахшем пылью и чем-то ещё, неуловимо старым. Его квартира была на последнем этаже. Пока они поднимались по лестнице, Джессика ощущала его взгляд на своей спине. Это было ощущение, от которого её соски затвердели, а между ног стало влажно. Он смотрел на неё так, как будто уже владел ею, и от этого она чувствовала себя не униженной, а невероятно желанной.

Внутри было аскетично и просто. Минимум мебели, книги на полках, виниловые пластинки, разбросанные на полу. Он закрыл дверь, и щелчок замка прозвучал как финальная

точка. Теперь они были одни. Слова были больше не нужны. Джессика стояла посреди комнаты, тяжело дыша, в то время как Маркус медленно приближался. В его движениях не было спешки, только та самая уверенность, которая притягивала и пугала её одновременно. Он остановился в шаге от неё, и его близость была такой осязаемой, что у Джессики подкосились колени.

— Ты дрожишь, — произнёс он, и это было не вопросом, а утверждением. Его рука медленно поднялась и легла ей на талию. Ткань её платья была тонкой, и она чувствовала жар его ладони даже сквозь неё. Джессика закрыла глаза, когда его вторая рука легла на её затылок, пальцы запутались в волосах, чуть потянув их, заставив её поднять голову. — Не бойся.

— Я не боюсь, — прошептала она, хотя это была не совсем правда. Она боялась той силы, которую он пробуждал в ней. Силы, которая могла её разрушить.

Он наклонился, и его дыхание коснулось её виска. Она ощутила его губы на своей коже — не поцелуй, а просто прикосновение, от которого по всему телу пробежала крупная дрожь. Его рука скользнула с талии на её бедро, крепко сжав, притягивая её к себе. Она ощутила его возбуждение через джинсы, его твёрдость, и это было так откровенно, что Джессика непроизвольно застонала, прижавшись к нему сильнее. Её собственные руки, наконец, нашли себе место, скользнув по его груди, чувствуя под тонкой футболкой рельеф мышц, а затем опустились к нему на спину, пальцы вцепились в ткань.

Он накрыл её рот своим. Поцелуй был глубоким, требовательным, но при этом невероятно чувственным. Он не просто целовал её, он пробовал её на вкус, изучал, подчинял. Его язык скользнул между её губ, и Джессика ответила со всей страстью, которая кипела в ней. Она не хотела быть пассивной. Она хотела этого мужчину так, как не хотела никого уже давно. Он застонал, когда её руки скользнули под его футболку, коснувшись разгорячённой кожи. Он отстранился на мгновение, чтобы стянуть через голову футболку, и Джессика замерла, глядя на его тело, вылепленное из теней и света.

— Ты слишком много на себе оставила, — сказал он, и в его голосе слышалась улыбка, но в глазах бушевало тёмное, жадное пламя. Он потянулся к молнии на её платье. Звук расходящейся молнии прозвучал в тишине комнаты громче выстрела. Платье скользнуло вниз, к её ногам, оставив Джессику в кружевном белье, но она не чувствовала себя уязвимой. Она чувствовала себя свободной. Его взгляд скользнул по её телу, от груди до самого низа, и от этого взгляда её клитор запульсировал, словно в предвкушении. Он протянул руку и кончиками пальцев провёл по её ключице, вниз, к ложбинке между грудями, потом ещё ниже, к животу. Его прикосновения были лёгкими, дразнящими, они оставляли за собой огненный след.

Он опустился перед ней на колени, и Джессика вцепилась ему в плечи, чтобы не упасть. Он взял в рот сосок через тонкое кружево бюстгалтера, и она вскрикнула, выгнувшись дугой. Это было слишком остро, слишком хорошо. Он потянул застежку, и бюстгалтер упал на пол. Теперь его язык коснулся её обнажённой кожи. Он дразнил её, посасывал, покусывал, и каждое его движение отдавалось прямо в её киске, которая уже истекала влагой. Её пальцы запутались в его волосах, прижимая его голову к своей груди. Она слышала его тяжёлое дыхание, чувствовала, как его руки блуждают по её бёдрам, сжимая, поглаживая, а затем он потянул за резинку её трусиков, спуская их вниз. Она осталась обнажённой перед ним, и он смотрел на неё снизу вверх с таким обожанием и голодом, что у неё закружилась голова.

— Ты прекрасна, — выдохнул он, и его голос был хриплым от желания. — Я хочу тебя попробовать.

Джессика не успела ничего ответить, потому что он наклонился и провёл языком по её клитору. Она громко застонала, её колени подогнулись, но он крепко держал её за бёдра. Его язык был настойчивым, умелым, он то кружил вокруг чувствительной точки, то надавливал на неё, то спускался ниже, к входу в её киску, лаская и дразня. Это было одновременно пыткой и наслаждением. Она чувствовала, как внутри неё нарастает горячая волна, как всё её суще-

ство сосредотачивается на этом одном ощущении. Его рот работал с ней так, словно она была самым изысканным десертом, и он не хотел пропустить ни капли. Она запустила пальцы в его волосы, направляя его, подсказывая ритм, и он подчинялся, следуя её молчаливым просьбам. Она чувствовала его возбуждённый член, который прижимался к её ноге через джинсы, и от этого осознания того, как сильно он её хочет, её собственное желание становилось ещё сильнее.

Он отстранился на мгновение, тяжело дыша, и посмотрел на неё. Их взгляды встретились, и в этот момент между ними не было ничего, кроме чистой, неприкрытой правды желания. Он поднялся, и, не отрывая от неё взгляда, расстегнул ремень и избавился от остатков одежды. Когда она увидела его, всего, обнажённого, с эрекцией, которая была такой же внушительной, как и он сам, у неё перехватило дыхание. Он был воплощением той мужской силы, которую она искала. Он подхватил её на руки и понёс в спальню, где, не снимая покрывала, положил на кровать. Наклонившись над ней, он вошёл в неё одним плавным, но настойчивым движением. Джессика вскрикнула и выгнулась навстречу, обхватив его ногами за талию.

Он начал двигаться, и каждый его толчок был глубоким, мощным, наполняющим её до краёв. Она чувствовала, как он растягивает её, как его член скользит внутри её киски, задевая самые чувствительные точки. Она стонала, вцепившись в простыни, а он, нависая над ней, смотрел на её лицо, ловил каждую эмоцию, каждое изменение в её дыхании. Его движения становились быстрее, ритмичнее. Она слышала его хриплое дыхание, чувствовала, как на его спине выступает пот. Он наклонился и поцеловал её в шею, прикусив кожу, и это стало последней каплей. Волна оргазма накрыла её с головой, заставив выгнуться и закричать. Её мышцы сжались вокруг его члена, и он, почувствовав это, издал низкий, гортанный стон и излился в неё, содрогаясь всем телом.

Он остался внутри неё, тяжело дыша, и Джессика чувствовала, как его сердце бьётся в такт с её собственным. Она не хотела, чтобы он выходил. Она хотела остаться в этом моменте навсегда. Он скатился с неё, но тут же притянул к себе, обнимая. Она уткнулась носом в его грудь, вдыхая запах их близости, запах пота и секса, который сейчас казался ей самым лучшим ароматом на свете. Джессика не знала, что будет утром. Она не знала, что это было — просто случайная встреча или начало чего-то большего. Но впервые за долгое время она не хотела думать о будущем. Она хотела просто быть здесь и сейчас, в объятиях мужчины, который заставил её почувствовать себя не просто желанной, а по-настоящему живой.

Позже, когда дыхание обоих успокоилось, а тела расслабились, Маркус провёл пальцами по её руке, оставляя лёгкие, невесомые следы.

— Ты знаешь, что это было странно? — спросил он тихо, глядя в потолок.

— Что именно? — так же тихо отозвалась Джессика.

— Я обычно не привожу незнакомок домой, — признался он. — Но с тобой... всё было иначе. Словно я знал, что если не приведу, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Джессика улыбнулась в темноте. Она чувствовала то же самое. Это было не просто секс. Это было начало. Она не знала, куда это приведёт, но впервые в жизни её это не пугало. Ей было интересно. Она закрыла глаза, слушая, как он дышит, и позволила себе провалиться в сон, зная, что это утро станет началом новой главы в её жизни. Главы, которую она не могла предсказать.

Глава 2. Мужчина из соседнего дома

Прошло три недели с той ночи, когда Джессика позволила себе раствориться в объятиях Маркуса. Она не жалела об этом. Наоборот, воспоминания о его прикосновениях, о том, как его член наполнял её, о вкусе его кожи, стали для неё своеобразным тайным источником тепла в промозглые осенние вечера. Они не обменялись телефонами. Это было молчаливое соглашение — не портить совершенство момента продолжением, которое могло бы всё испортить. И всё же Джессика чувствовала, что что-то в ней изменилось. Она стала чаще улыбаться своему отражению, перестала торопиться на работу, начала замечать детали, которые раньше ускользали от её внимания. Мир словно стал чуть более ярким, чуть более терпким на вкус.

Именно в этом новом состоянии повышенной чувствительности она и заметила его. Мужчину из соседнего дома. Это произошло в субботу утром, когда Джессика вышла на свой маленький балкон с чашкой кофе, чтобы подышать свежим воздухом. Напротив, через узкий двор, разделявший два старых пятиэтажных дома, на таком же балконе стоял он. Незнакомец лет тридцати пяти, с коротко стриженными русыми волосами и широкими плечами, которые обтягивала простая серая футболка. Он не смотрел в её сторону. Он был занят тем, что поливал из пластиковой бутылки герань, стоявшую в ящике. Джессика замерла, наблюдая за тем, как его крупные, сильные пальцы бережно касаются хрупких стеблей. В этом контрасте было что-то гипнотическое.

Она отвела взгляд, сделала глоток кофе, но через мгновение снова посмотрела в его сторону. И встретила с ним глазами. Он смотрел на неё. Просто смотрел, без улыбки, без приветствия, но в его взгляде было столько спокойного, уверенного внимания, что у Джессики перехватило дыхание. Это длилось всего пару секунд, а затем он снова вернулся к своим цветам, словно ничего не произошло. Джессика почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она поспешила вернуться в квартиру, но образ его глаз — серых, как предгрозовое небо, — остался с ней.

С этого дня началась их игра. Игра без слов, без правил, но с чётко обозначенными ролями. Каждое утро Джессика выходила на балкон с чашкой кофе, и каждое утро он оказывался там же, со своей бутылкой воды и неизменной герани. Они не здоровались. Они просто смотрели друг на друга. Иногда его взгляд задерживался на её губах, и Джессика чувствовала, как её соски напрягаются под тонкой тканью домашней футболки. Иногда она ловила себя на том, что представляет, как эти сильные пальцы, которые так нежно касаются цветов, касаются её кожи. Это было томительное, сладкое мучение. Она не знала его имени, не знала, чем он занимается, но её тело реагировало на него с пугающей, почти животной прямоотой. Её киска увлажнялась от одного лишь осознания того, что он где-то рядом, за стеной, и, возможно, тоже думает о ней.

Однажды вечером, возвращаясь домой с работы, Джессика столкнулась с ним у подъезда. Он выходил из машины — старого, но ухоженного внедорожника. На нём была тёмная куртка и джинсы, и вблизи он оказался ещё более внушительным, чем казался с балкона. Их взгляды встретились, и на этот раз он не отвёл глаз. Он захлопнул дверцу машины и направился прямо к ней. У Джессики подкосились ноги.

— Мы, кажется, соседи, — сказал он, останавливаясь в шаге от неё. Голос у него был низкий, с лёгкой, почти незаметной хрипотцой, и от этого звука у неё по позвоночнику пробежала дрожь. — Я вижу вас каждое утро. На балконе.

— Вижу, — ответила Джессика, и её собственный голос показался ей чужим. — Вы всегда поливаете герань.

— Это единственное, что я умею выращивать, — усмехнулся он, и в уголках его глаз появились лёгкие морщинки. — Меня зовут Алексей. Но все зовут меня Алек.

— Джессика, — представилась она.

— Красивое имя, — произнёс он, и в его устах оно прозвучало как-то по-особенному, с мягким нажимом на первый слог. — Вы часто стоите на балконе. Я думал, вы никогда не спуститесь.

— Я не знала, что вы ждёте, — честно призналась она.

— Жду, — подтвердил он просто, без тени смущения. — Уже две недели.

Это было настолько прямо, что Джессика не нашлась, что ответить. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах читалась не просто симпатия, а глубокий, осознанный интерес. Так смотрят на произведение искусства, которое хотят приобрести, или на редкий экземпляр книги, который мечтают прочитать. Он не торопил события. Он просто давал ей понять, что игра, в которую они играли, была не только её игрой.

— У вас есть время выпить со мной кофе? — спросил он, кивнув в сторону небольшого кафе на углу. — Или вы спешите?

Джессика должна была сказать, что спешит. У неё была куча дел, работа, которую она принесла домой, и вообще, она не имела привычки ходить по кафе с незнакомыми мужчинами. Но вместо этого она услышала, как её собственный голос произносит:

— С удовольствием.

Кафе было маленьким и уютным, с деревянными столами и приглушённым светом. Они сели у окна, и Алек заказал два капучино. Когда официантка отошла, он повернулся к Джессике и посмотрел на неё с той же спокойной, изучающей внимательностью, которая так её смущала.

— Расскажите мне о себе, — попросил он. — Что вы делаете, когда не стоите на балконе?

— Я работаю в рекламном агентстве, — ответила Джессика, пытаясь взять себя в руки. — Арт-директор. Люблю свою работу, но иногда она меня утомляет.

— Творческая профессия, — кивнул он. — Это многое объясняет.

— Что именно? — не поняла она.

— То, как вы смотрите на мир, — сказал он, и его взгляд скользнул по её лицу, задержавшись на глазах. — Вы видите детали. Вы наблюдательны. Я заметил это ещё на балконе. Вы смотрите не просто так. Вы изучаете.

Джессика почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло. Этот мужчина видел её насквозь, так же, как и Маркус, но по-другому. Маркус пробудил в ней страсть, дикую и необузданную. Алек же обращался к чему-то более глубокому, к её уму, к её способности чувствовать тонко и осознанно. Это было не менее опасно.

— А вы? — спросила она, чтобы перевести тему. — Чем занимаетесь вы?

— Я архитектор, — ответил он. — Проектирую дома. Но в последнее время больше реставрирую старые. Мне нравится возвращать зданиям их историю.

— Поэтому вы живёте в таком старом доме? — догадалась Джессика.

— Именно, — улыбнулся он. — Я купил квартиру три года назад. Она была в ужасном состоянии, но я влюбился в эти стены. В них есть душа.

Он говорил о доме, но Джессика слышала в его словах иной подтекст. Он говорил о чём-то, что требует времени, терпения и глубокого понимания. О чём-то, что нельзя просто взять и присвоить. Он был полной противоположностью Маркусу, который брал от жизни всё и сразу. Алек, казалось, наслаждался процессом. И это делало его ещё более притягательным.

Они проговорили почти два часа. О архитектуре, о книгах, о путешествиях. Он оказался блестящим собеседником — внимательным, остроумным, но без желания подавить её интеллектом. Он задавал вопросы, которые заставляли её задуматься, и слушал её ответы с искренним интересом. Когда они вышли из кафе, на улице уже стемнело. Он проводил её до подъезда.

— Спасибо за вечер, — сказала Джессика, чувствуя, как между ними снова повисло то самое напряжение, которое было на балконе, но теперь оно стало более плотным, более осязаемым.

— Это я должен вас благодарить, — ответил он. — Я ждал этого разговора дольше, чем вы можете себе представить.

Он не попытался её поцеловать. Не прикоснулся к ней. Он просто стоял и смотрел на неё, и от этого взгляда у Джессики внутри всё переворачивалось. Она чувствовала себя желанной, но не так, как в ту ночь с Маркусом. Это было желание, замешанное на уважении и восхищении. Желание, которое не торопило события, но от этого становилось только сильнее.

— Увидимся завтра? — спросил он. — На балконе?

— Увидимся, — ответила она, и в её голосе прозвучала улыбка.

Она поднималась по лестнице, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Она не знала, что это было — начало романа или просто игра, но она точно знала, что хочет продолжения.

На следующий день она вышла на балкон с чашкой кофе, как обычно. Алек уже был там. Он стоял, опершись на перила, и смотрел на неё. На этот раз он улыбнулся — открыто, тепло, и от этой улыбки у Джессики подкосились колени. Он поднял руку в приветственном жесте, и она помахала ему в ответ. Это был их маленький ритуал, их тайный язык, который понимали только они.

Прошла неделя. Они снова встретились в кафе, потом ещё раз. Алек был терпелив. Он не давил, не форсировал события, но каждый их разговор, каждый взгляд, каждое случайное прикосновение — когда он помогал ей снять пальто или передавал чашку — всё это накаляло атмосферу между ними до предела. Джессика чувствовала, что сходит с ума. Она думала о нём постоянно. Его образ преследовал её даже во сне, и эти сны были далеко не невинными. Она просыпалась с ощущением влаги между ног и с твёрдым осознанием того, что хочет его.

Однажды вечером, когда они возвращались из очередного кафе, начался дождь. Ливень обрушился на город внезапно, словно небеса решили проверить их на прочность. Они добежали до её подъезда, промокшие до нитки, смеясь и тяжело дыша. Джессика открыла дверь, и они оказались в тесном тамбуре, освещённом тусклой лампочкой. Капли воды стекали с его волос, с его ресниц, с его губ. Он смотрел на неё, и в его глазах больше не было спокойствия. Там бушевало то самое пламя, которое она так долго ждала.

— Ты вся дрожишь, — сказал он, и его голос был низким, вибрирующим. — Тебе нужно согреться.

— И как ты предлагаешь это сделать? — прошептала она, поднимая на него глаза.

Он не ответил. Он просто притянул её к себе, и его губы накрыли её рот. Поцелуй был не таким, как с Маркусом. Он был медленным, глубоким, изучающим. Он пробовал её на вкус, словно дождевую воду, и Джессика таяла в его руках. Она обвила его шею руками, прижимаясь к нему всем телом, чувствуя, как его мокрая одежда липнет к её коже. Он подхватил её на руки и понёс вверх, в её квартиру. Дверь захлопнулась, отрезав их от всего мира.

В квартире было темно, только свет уличных фонарей пробивался сквозь занавески. Он поставил её на ноги, и они начали медленно, почти ритуально, избавляться от мокрой одежды. Каждая пуговица, каждая молния становились препятствием, которое нужно было преодолеть. Джессика стянула с него куртку, потом футболку, обнажив его грудь — широкую, покрытую лёгкими волосками. Она провела по ней ладонями, чувствуя, как под кожей перекачиваются мышцы. Он застонал, когда её пальцы коснулись его сосков, и этот звук отдался вибрацией в её клиторе.

Он растянул её блузку, и она упала на пол. Затем он опустился на колени, чтобы снять с неё юбку. Его руки скользнули по её бёдрам, и Джессика вцепилась ему в плечи, чтобы не упасть. Он поцеловал её живот, чуть ниже пупка, и она выгнулась, тяжело дыша. Он стянул с неё трусики, и она осталась обнажённой перед ним, стоящим на коленях. В его взгляде было

столько обожания, что у неё защемило сердце. Он не торопился. Он хотел смаковать каждое мгновение.

— Ты даже красивее, чем я представлял, — прошептал он, и его дыхание коснулось её влажных складок.

Она вскрикнула, когда его язык коснулся её клитора. Он был нежен, но настойчив. Он ласкал её медленно, дразняще, то надавливая, то кружа вокруг чувствительной точки, то спускаясь ниже, к входу в её киску. Джессика запустила пальцы в его волосы, прижимая его голову к себе, и он застонал, вибрируя языком, от чего волны удовольствия прокатывались по всему её телу. Она чувствовала, как внутри неё нарастает горячая волна, и когда он скользнул в неё языком, имитируя толчки, она не выдержала и кончила, содрогаясь и громко стоная.

Он поднялся, и она увидела его член, твёрдый и готовый. Он был не таким огромным, как у Маркуса, но идеальной формы, и Джессике внезапно захотелось попробовать его на вкус. Она опустилась перед ним на колени, и он посмотрел на неё с удивлением и страстью. Она взяла его в руку, чувствуя, как он пульсирует, и медленно провела языком по головке. Солёный вкус, смешанный с запахом дождя и его кожи, опьянил её. Она взяла его в рот, и он застонал, запустив пальцы в её волосы. Она двигалась медленно, то выпуская его почти полностью, то забирая глубоко, и каждое его движение, каждый стон, который он издавал, отдавались в её собственном теле. Она чувствовала себя могущественной, властной, когда он, такой сильный и уверенный, терял контроль от её прикосновений.

— Джессика, — выдохнул он, и в его голосе слышалась мольба. — Остановись, иначе я не смогу...

Она отстранилась, поднялась, и он подхватил её на руки, унося в спальню. Он положил её на кровать и накрыл собой. Когда он вошёл в неё, медленно, до самого конца, Джессика застонала, обхватив его ногами. Он начал двигаться, и это было не так, как с Маркусом. Алек двигался размеренно, глубоко, словно хотел запомнить каждое ощущение, каждое движение. Он смотрел ей в глаза, и в его взгляде было столько нежности и страсти, что у неё на глазах выступили слёзы. Она чувствовала, как его член скользит внутри её киски, задевая все самые чувствительные точки, и она поднималась к пику снова, медленно, но верно.

— Ты чувствуешь это? — прошептал он, и его голос дрожал. — Как мы подходим друг другу?

— Да, — выдохнула она, и это было единственное слово, которое она могла произнести.

Он ускорился, и их дыхание смешалось, стало одним на двоих. Она впиалась ногтями ему в спину, а он вцепился в изголовье кровати, и его толчки стали глубже, сильнее. Она кончила снова, вскрикнув, и он, почувствовав, как её мышцы сжимаются вокруг него, излился следом, содрогаясь всем телом и тяжело дыша ей в шею.

Они лежали, переплетаясь, и дождь стучал по стеклу, создавая идеальный фон для их тишины. Джессика чувствовала, как его рука гладит её по спине, и в этом прикосновении было столько тепла, что она готова была мурлыкать. Она не знала, что будет завтра, но сейчас, в этот момент, ей было хорошо. По-настоящему хорошо.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — прошептал Алек, и в его голосе не было вопроса, только тихая просьба.

— Я и не собиралась уходить, — ответила она, и это было правдой. Впервые за долгое время она не думала о том, что будет дальше. Она просто хотела быть здесь, с ним.

Она закрыла глаза, слушая, как его сердце бьётся под её ладонью, и поняла, что эта игра взглядов, эта тихая осада, которую он вёл так мастерски, достигла своей кульминации. И это было только начало. Она чувствовала, что за внешней сдержанностью Алека скрывается гораздо больше, чем он показывает. И ей не терпелось узнать, что именно.

Глава 3. Запретный роман

Джессика проснулась от того, что солнечный свет, пробивавшийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисовал на её обнажённом плече тёплые полосы. Рядом, уткнувшись носом в подушку, спал Алек. Его рука лежала у неё на талии — тяжёлая, тёплая, властная даже во сне. Она осторожно провела кончиками пальцев по его предплечью, чувствуя под кожей упругие мышцы, и улыбнулась собственным мыслям. Между ними ничего не было решено, ничего не было обещано, но впервые за долгое время Джессика не торопилась ставить точки. Ей нравилась эта неопределённость, это сладкое неведение, в котором каждое новое утро могло принести что-то неожиданное.

Алек застонал во сне, перевернулся на спину, и его рука соскользнула с её талии на бедро. Джессика замерла, наблюдая за тем, как двигаются его ресницы, как дрожат губы. Он был красив той спокойной, уверенной красотой, которая не требует доказательств. В нём чувствовалась порода — не порода денег или статуса, а порода характера. И это пугало её больше, чем она готова была признать. С Маркусом всё было просто: страсть, вспышка, освобождение. С Алеком всё было иначе. Он входил в её жизнь медленно, шаг за шагом, занимая всё больше пространства, и Джессика понимала, что если позволит этому продолжаться, обратного пути уже не будет.

Она встала с кровати, стараясь не разбудить его, и прошла на кухню. Кофе варился, наполняя квартиру горьковатым ароматом, когда её телефон, оставленный на столе, завибрировал. Джессика взглянула на экран и почувствовала, как внутри всё сжалось. Сообщение от Валерии, её лучшей подруги и единственного человека, которому она доверяла все свои тайны.

«Ты пропала. Опять. Я начинаю думать, что ты завела любовника. Или двух. Позвони мне. У меня для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться».

Джессика усмехнулась, отпивая кофе. Валерия знала её слишком хорошо. Она всегда чувствовала, когда Джессика что-то скрывала, словно между ними существовала невидимая телепатическая связь. Они дружили больше десяти лет, прошли вместе через неудачные романы, увольнения, депрессии и внезапные взлёты. Валерия была замужем уже пять лет и постоянно пыталась убедить Джессику, что счастье возможно только в стабильных отношениях. Джессика не спорила. Она просто жила по-своему.

Она набрала номер подруги, устроившись на подоконнике с чашкой в руках.

— Наконец-то, — раздался в трубке знакомый голос, полный иронии и тепла. — Я уже начала подумывать, что ты уехала в монастырь.

— Не дождёшься, — рассмеялась Джессика. — Что за предложение?

— Помнишь моего двоюродного брата, Кирилла? — начала Валерия, и Джессика напряглась. Она помнила Кирилла. Смутно, но помнила. Высокий, темноволосый, с глазами цвета тёмного шоколада и улыбкой, которая, казалось, всегда обещала что-то большее, чем просто дружбу. Она видела его пару раз на семейных праздниках Валерии, и каждый раз он смотрел на неё с тем особым, оценивающим вниманием, от которого по коже пробегал холодок. — Он недавно развёлся. И, скажем так, он спрашивал о тебе.

— Спрашивал? — Джессика постаралась, чтобы её голос звучал равнодушно. — И что именно он спрашивал?

— Не прикидывайся, — фыркнула Валерия. — Он спрашивал, свободна ли ты. И, судя по тому, как он это делал, он планирует это исправить.

— Валерия, — предупреждающе начала Джессика, но подруга уже не слушала.

— Он приглашает тебя на ужин. В пятницу. В ресторане «Аврора». И не смей отказываться. Я знаю, что ты свободна, и я знаю, что ты уже неделю не выходила никуда, кроме работы. Тебе нужно развеяться.

Джессика хотела возразить. Хотела сказать, что у неё уже есть мужчина, с которым она провела ночь и который сейчас спит в её постели. Но слова застряли в горле. Потому что это было неправдой. У неё не было мужчины. У неё была встреча. Одна ночь. И ещё одна. И ещё. Но не было обязательств. Не было правил. И, возможно, именно поэтому перспектива ужина с Кириллом показалась ей не такой уж и плохой. Она была свободна. Свободна делать всё, что заблагорассудится. И эта мысль, опасная и пьянящая, заставила её согласиться.

— Хорошо, — сказала она. — Но если это будет скучно, ты будешь мне должна.

— Договорились, — рассмеялась Валерия и отключилась.

Джессика вернулась в спальню. Алек уже проснулся. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел на неё с той самой спокойной, изучающей внимательностью, которая сводила её с ума.

— Кто звонил? — спросил он, не отводя взгляда.

— Подруга, — ответила Джессика, садясь на край кровати. — Пригласила на ужин.

— На ужин? — В его голосе не было ревности, только лёгкий интерес. — С кем?

— С её двоюродным братом, — честно сказала Джессика. Она не видела смысла врать. — Он недавно развёлся. Валерия решила, что нам стоит познакомиться.

Алек медленно сел. Он смотрел на неё, и в его глазах что-то изменилось. Там промелькнула тень — не обида, не злость, а что-то более глубокое, более сложное. Он потянулся к ней и провёл ладонью по её щеке. Прикосновение было нежным, но в нём чувствовалась скрытая сила.

— И ты пойдёшь? — спросил он тихо.

— Пойду, — ответила она, выдерживая его взгляд. — Я свободная женщина, Алек. Ты ведь не думал, что одна ночь что-то изменит?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Он убрал руку и откинулся на подушки.

— Нет, — сказал он. — Я не думал. — Он помолчал, а затем добавил: — Но я надеялся.

Джессика почувствовала, как что-то оборвалось внутри. Она не хотела причинять ему боль. Но она также не хотела связывать себя обещаниями, которые не могла сдержать. Она была честна с ним. И, возможно, именно это делало всё ещё более запутанным.

— Мне нужно идти, — сказала она, вставая. — У меня много работы.

Алек не пытался её удержать. Он просто кивнул и потянулся за своей одеждой. Они одевались молча, и эта тишина была тяжелее любых слов. Когда он уже стоял у двери, готовый уйти, Джессика не выдержала.

— Алек, — позвала она. Он обернулся. — Это не значит, что между нами всё закончилось.

— Я знаю, — ответил он. — Это значит только то, что ты ещё не готова.

Он ушёл, оставив её одну с чашкой остывшего кофе и смутным чувством, что она только что совершила ошибку.

Пятница наступила быстрее, чем Джессика ожидала. Она провела три дня в лихорадочной работе, стараясь не думать ни об Алеко, ни о предстоящем ужине. Но мысли возвращались, навязчивые, как осенняя морось. Она думала о том, как Алек смотрел на неё в то утро, и это воспоминание вызывало в ней глухое, тянущее чувство вины. Она ничего ему не обещала. Она была свободна. Но почему тогда её сердце сжималось при мысли о том, что она идёт на свидание с другим мужчиной?

Ресторан «Аврора» был одним из тех мест, где Джессика чувствовала себя немного чужой. Слишком много лоска, слишком много людей, которые пытались выглядеть лучше, чем они есть. Она выбрала простое чёрное платье, которое идеально сидело по фигуре, и туфли на высоких каблуках. В зеркале отражалась женщина, уверенная в себе, знающая себе цену. Джессика улыбнулась своему отражению, но улыбка вышла натянутой.

Кирилл ждал её у входа. Он был даже красивее, чем она помнила. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и глазами, которые, казалось, видели её насквозь. На нём был идеально скроенный костюм, и от него исходил лёгкий, дорогой аромат. Он улыбнулся, когда увидел её, и эта улыбка была хищной, но в то же время обаятельной.

— Джессика, — произнёс он, целуя её руку. — Ты ещё прекраснее, чем я помнил.

— Кирилл, — ответила она, стараясь не поддаваться его обаянию. — Спасибо за приглашение.

Они вошли в ресторан, и метрдотель проводил их к столику у окна. Кирилл заказал вино, и разговор потёк легко, словно они знали друг друга всю жизнь. Он говорил о своей работе — он был совладельцем крупной строительной компании — о разводе, о том, как сложно начинать всё заново. Джессика слушала, задавала вопросы, но где-то на периферии сознания продолжала думать об Алеке. О том, как его руки касались её тела, как его губы шептали её имя. Она тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Ты где-то далеко, — заметил Кирилл, наклоняясь ближе. Его рука легла на стол, почти касаясь её пальцев. — Что-то не так?

— Всё в порядке, — соврала Джессика. — Просто устала на работе.

— Тогда, может, уйдём отсюда? — предложил он, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, который она видела раньше, на семейных праздниках. — У меня есть квартира неподалёку. Мы могли бы выпить чего-нибудь покрепче.

Джессика колебалась. Она знала, что это значит. Знала, чем закончится этот вечер, если она согласится. И всё же что-то внутри неё, тёмное и жадное, требовало продолжения. Она хотела забыться. Хотела заглушить голос совести, который шептал ей об Алеке. Она хотела почувствовать себя желанной, властной, свободной от обязательств.

— Хорошо, — сказала она, и Кирилл улыбнулся.

Его квартира была именно такой, как она и представляла: минималистичной, дорогой, безликой. Ни одной личной вещи, ни одной книги, ни одной фотографии. Это был дом человека, который не привык задерживаться на одном месте. Кирилл налил ей виски, и Джессика сделала глоток, чувствуя, как алкоголь обжигает горло и растекается по телу тёплой волной. Он подошёл к ней сзади, убрал волосы с её шеи и прижался губами к её коже. Джессика закрыла глаза, пытаясь расслабиться, но тело не слушалось. Оно было напряжённым, словно натянутая струна.

— Ты напряжена, — прошептал Кирилл, и его руки скользнули по её талии, прижимая её к себе. Она чувствовала его возбуждение через тонкую ткань брюк, и это должно было завести её, но вместо этого вызывало только глухое раздражение. — Расслабься. Я умею ждать.

Он развернул её лицом к себе и поцеловал. Поцелуй был требовательным, настойчивым, но в нём не было той глубины, той нежности, которая была у Алека. Джессика ответила, потому что так было нужно, потому что она не хотела признавать, что совершила ошибку. Его руки расстегнули молнию на её платье, и оно скользнуло вниз. Кирилл провёл ладонями по её груди, сжал соски, и Джессика заставила себя застонать. Но это был фальшивый стон. Она чувствовала, как где-то глубоко внутри нарастает пустота.

Он опустился перед ней на колени, стянул с неё трусики и раздвинул её ноги. Его язык коснулся её клитора, и Джессика вздрогнула. Он был умелым, настойчивым, он знал, что делает. Но её тело оставалось холодным. Она смотрела в потолок, и перед её внутренним взором стоял Алек. Его глаза, его руки, его голос. Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на ощущениях, но ничего не получалось. Она не хотела этого. Не хотела его.

— Остановись, — сказала она, и голос прозвучал резче, чем она планировала.

Кирилл поднял голову, и в его глазах промелькнуло удивление, а затем — раздражение.

— Что-то не так? — спросил он, поднимаясь.

— Я не могу, — честно сказала Джессика, подтягивая платье. — Прости. Это не твоя вина. Это моя.

Он смотрел на неё, и в его взгляде читалось понимание. Он не стал спорить, не стал уговаривать. Он просто кивнул и отошёл к окну, давая ей пространство.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Ты думаешь о ком-то другом.

Джессика не ответила. Она надела пальто, взяла сумочку и направилась к двери. У порога она обернулась.

— Прости, — повторила она.

— Всё в порядке, — ответил Кирилл, но в его голосе не было тепла. — Удачи, Джессика.

Она вышла на улицу, и холодный ночной воздух ударил ей в лицо. Она шла по пустынным улицам, не разбирая дороги, и чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она не плакала. Она просто шла, и в её голове билась одна мысль: она совершила ошибку. Она позволила себе забыть, что значит быть с кем-то, кто действительно важен. Она предала не Алека. Она предала себя.

Домой она вернулась почти в полночь. Поднявшись на свой этаж, она остановилась. На площадке, у двери в свою квартиру, сидел Алек. Он поднял голову, когда услышал её шаги, и в его глазах отразилось облегчение, смешанное с чем-то ещё — с болью, с надеждой, с чем-то, что Джессика не могла назвать.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, и голос дрогнул.

— Жду, — ответил он просто. — Я знал, что ты вернёшься.

— Почему?

— Потому что ты не такая, как о себе думаешь, — сказал он, вставая. — Ты сильная. Но ты боишься. И я не знаю, чего именно, но я хочу это узнать.

Джессика смотрела на него, и слёзы, которые она так долго сдерживала, наконец потекли по её щекам. Он не бросился её утешать. Он просто стоял и ждал, пока она сама сделает шаг. И она сделала. Она прижалась к нему, уткнувшись лицом в его грудь, и он обнял её, крепко, надёжно, словно хотел защитить от всего мира.

— Прости, — прошептала она. — Я была дурой.

— Ты была свободной, — ответил он. — Это не одно и то же.

Он отвёл её в квартиру, уложил в постель и остался рядом, не требуя ничего. Он просто держал её за руку, пока она не уснула, и в этом прикосновении было больше близости, чем во всех её предыдущих романах. Джессика не знала, что будет завтра. Но она знала, что сегодня она дома. И этот дом был там, где был он.

Глава 4. Одна ночь в чужом городе

Командировка в Санкт-Петербург должна была стать для Джессики обычной рабочей поездкой: три дня встреч с клиентами, презентация нового проекта, вечера в гостиничном номере с ноутбуком и чашкой чая. Она взяла с собой строгий костюм, удобные туфли и твёрдое намерение не отвлекаться на посторонние вещи. После той ночи, когда Алек ждал её у двери, между ними установилось что-то хрупкое, но важное. Они не говорили о будущем, не давали обещаний, но Джессика чувствовала, что в её жизни появилась точка опоры, которую она не хотела терять. И всё же, когда поезд мягко тронулся с Московского вокзала, унося её в серую, дождливую даль, она ощутила странное, почти забытое чувство свободы. Словно стены её привычной жизни на мгновение раздвинулись, и в образовавшуюся щель потянуло сквозняком перемен.

Петербург встретил её тяжёлым, низким небом и запахом мокрого асфальта. Город казался декорацией к чужому сну, где всё было немного нереальным. Джессика заселилась в отель в центре, в старом здании с высокими потолками и витыми лестницами, и сразу же погрузилась в работу. Первый день пролетел в череде встреч и переговоров, и к вечеру она чувствовала себя выжатой, как лимон. Вместо того чтобы вернуться в номер и лечь спать, она решила выйти на улицу, подышать воздухом, который, как ей казалось, должен был пахнуть историей. Ноги сами привели её к небольшому бару неподалёку от канала Грибоедова. Место было тихим, с приглушённым светом и виниловыми пластинками, которые бармен ставил с ритуальной неспешностью. Джессика села у окна, заказала бокал красного вина и устала на воду, чёрную и блестящую, как обсидиан.

Она не заметила, как он подсел. Просто в какой-то момент на стуле напротив оказался мужчина, и Джессика, подняв глаза от бокала, встретила с ним взглядом. У него были светлые, почти пепельные волосы, зачёсанные назад, и глаза цвета янтаря. Незнакомец был одет просто — тёмный свитер, джинсы, — но в его облике чувствовалась та спокойная, уверенная сила, которая всегда привлекала Джессику. Он не улыбнулся, не представился. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было столько откровенного, ничем не прикрытого интереса, что у неё перехватило дыхание.

— Вы позволите? — спросил он, кивнув на её столик.

— Уже позволила, — ответила Джессика, и в её голосе прозвучала усмешка.

— Меня зовут Матвей, — представился он.

— Джессика.

— Красивое имя. Необычное. — Он произнёс его медленно, словно пробуя на вкус каждый звук. — Вы здесь одна?

— Приехала по работе, — ответила она. — А вы?

— Живу здесь. Родился и вырос. Но иногда прихожу сюда, чтобы посмотреть на туристов. Они всегда выглядят так, словно ищут что-то, что давно потеряли.

Джессика рассмеялась. В его словах была доля правды, которая её задела. Она действительно искала. Только не знала что. Разговор потёк легко, словно они были старыми знакомыми. Матвей оказался реставратором — он работал с росписями в старинных церквях и особняках. Его руки, крупные и сильные, с мозолями на подушечках пальцев, казались созданными для того, чтобы держать кисть. Он говорил о своей работе с той тихой страстью, которая выдаёт людей, по-настоящему любящих своё дело. Джессика слушала его и чувствовала, как напряжение последних дней медленно отпускает её. Она рассказала ему о своём агентстве, о проекте, который привёл её в Петербург, и о том, что в последнее время её всё чаще посещает мысль о смене профессии.

— Вам страшно, — сказал он, и это был не вопрос.

— Почему вы так решили? — удивилась она.

— Потому что вы говорите о переменах как о чём-то, что может случиться только с кем-то другим. Как будто вы сами не имеете права на это.

Джессика замолчала. Он был прав. Она привыкла быть сильной, уверенной, той, кто всегда знает, чего хочет. Но в последнее время это знание давалось ей всё труднее. Она хотела чего-то большего, но боялась признаться в этом даже самой себе.

Матвей допил свой виски и встал.

— Пойдёмте, — сказал он просто. — Я покажу вам город. Настоящий, а не тот, что в путеводителях.

Она не колебалась. Поднялась, надела пальто, и они вышли в ночь. Дождь прекратился, но воздух оставался влажным, тяжёлым, пропитанным запахом реки и мокрого камня. Матвей вёл её по узким переулкам, мимо тёмных дворов-колодцев, где эхо шагов отдавалось от стен, как в глубоком колодце. Он рассказывал ей истории домов, мимо которых они проходили, и Джессика впервые за долгое время почувствовала себя не туристкой, а частью чего-то большего. Они вышли на набережную, и перед ними открылся вид на Неву — широкую, тёмную, несущую свои воды медленно и величаво. Матвей остановился и повернулся к ней.

— Здесь красиво, — сказала Джессика, чувствуя, как внутри неё что-то сжимается от предчувствия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на реку, а на неё. — Очень.

Он притянул её к себе и поцеловал. Поцелуй был неожиданным, но в то же время неизбежным, как удар волны о берег. Его губы были холодными от ночного воздуха, но язык — горячим и настойчивым. Джессика ответила, не думая, не анализируя, просто позволяя себе утонуть в этом мгновении. Она чувствовала, как его руки скользят под её пальто, как его пальцы впиваются в её талию, притягивая ближе. Она ощущала его дыхание на своей коже, его возбуждение через слои одежды, и где-то глубоко внутри неё, в самом низу живота, разгорался огонь, который она так долго пыталась погасить.

— Пойдём ко мне, — прошептал он, и это был не вопрос, а утверждение. — Я живу тут рядом.

Джессика кивнула. Она знала, что делает. Знала, что это неправильно. Знала, что Алек ждёт её в Москве, и что между ними было что-то, что она не хотела разрушать. Но в этот момент, в этом чужом городе, под этим тяжёлым небом, она хотела быть не той Джессикой, которая всё контролирует, а той, которая просто чувствует. Она хотела позволить себе то, чего никогда не делала. Она хотела быть свободной.

Квартира Матвея находилась в старом доме с высокими потолками и лепниной, осыпавшейся по углам. Внутри царил творческий беспорядок: мольберты, холсты, банки с кистями, запах скипидара и старого дерева. Он не стал включать верхний свет, только настольную лампу в углу, которая отбрасывала на стены тёплые, дрожащие тени. Джессика сняла пальто, и он сразу же притянул её к себе, снова поцеловал, на этот раз глубже, настойчивее. Его руки расстегнули пуговицы на её блузке, и она почувствовала прохладу воздуха на разгорячённой коже. Он провёл ладонями по её плечам, спустил блузку вниз, и она упала на пол. Затем он опустился на колени, чтобы снять с неё туфли, и Джессика, стоя босиком на холодном полу, почувствовала себя невероятно уязвимой и в то же время невероятно живой.

Он поднялся, и его взгляд скользнул по её телу, от груди до бёдер. В его глазах горел тот самый огонь, который она заметила ещё в баре, но теперь он стал глубже, темнее. Он расстегнул ремень на её брюках, и они упали к её ногам. Джессика осталась в одном белье, и он смотрел на неё так, как смотрят на картину, которую хотят запомнить навсегда.

— Ты прекрасна, — выдохнул он, и его голос был хриплым. — Я хочу запомнить тебя такой.

Он подхватил её на руки и понёс вглубь квартиры, в спальню, где стояла большая кровать с железными перилами. Он положил её на покрывало, и Джессика почувствовала, как его руки скользят по её телу, изучая каждый изгиб, каждую впадинку. Он снял с неё бюстгальтер, и его губы сомкнулись вокруг соска, посасывая, покусывая, заставляя её выгибаться и стонать. Она запустила пальцы в его волосы, прижимая его голову к своей груди, и он застонал, вибрируя губами, от чего волны удовольствия прокатывались по всему её телу. Его рука скользнула ниже, стянула с неё трусики, и Джессика почувствовала, как его пальцы касаются её клитора. Он был нежен, но настойчив, он кружил вокруг чувствительной точки, то надавливая, то отпуская, и она чувствовала, как внутри неё нарастает горячая волна.

— Ты такая влажная, — прошептал он, и его дыхание коснулось её кожи. — Ты хочешь меня так же сильно, как я тебя?

— Да, — выдохнула она, и это было единственное слово, которое она могла произнести.

Он опустился ниже, и его язык коснулся её киски. Джессика вскрикнула, выгнувшись дугой. Он ласкал её медленно, тщательно, словно хотел выпить её до дна. Его язык скользил по её клитору, то спускаясь к входу, то возвращаясь обратно, и она чувствовала, как её мышцы сжимаются вокруг ничего, требуя наполнения. Она запустила пальцы в его волосы, направляя его, и он подчинялся, следуя её молчаливым просьбам. Она кончила с громким стоном, содрогаясь всем телом, и он поднялся, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Джессика села, тяжело дыша, и посмотрела на него. Он стоял перед ней, и она видела его возбуждение через джинсы. Она потянулась к ремню и расстегнула его. Он помог ей избавиться от одежды, и когда она увидела его член, твёрдый и пульсирующий, у неё перехватило дыхание. Она взяла его в руку, чувствуя, как он тяжёлый и горячий, и медленно провела языком по головке. Солёный вкус, смешанный с запахом его кожи, опьянил её. Она взяла его в рот, и он застонал, запустив пальцы в её волосы. Она двигалась медленно, то выпуская его почти полностью, то забирая глубоко, и каждое его движение, каждый стон, который он издавал, отдавались в её собственном теле. Она чувствовала себя могущественной, когда он, такой сильный и уверенный, терял контроль от её прикосновений.

— Джессика, — выдохнул он, и в его голосе слышалась мольба. — Остановись, иначе я не смогу...

Она отстранилась и легла на спину, притягивая его к себе. Он накрыл её собой, и когда он вошёл в неё, медленно, до самого конца, она застонала, обхватив его ногами. Он начал двигаться, и это было не так, как с Маркусом, и не так, как с Алеком. Матвей двигался так, словно хотел запомнить каждое мгновение, каждый толчок, каждое ощущение. Он смотрел ей в глаза, и в его взгляде было столько страсти и в то же время какой-то тихой грусти, что у неё защемило сердце. Она чувствовала, как его член скользит внутри её киски, задевая все самые чувствительные точки, и она поднималась к пику снова, медленно, но верно.

— Ты чувствуешь это? — прошептал он, и его голос дрожал. — Как мы подходим друг другу?

— Да, — выдохнула она, и это было правдой. В этот момент, в этом чужом городе, в этой незнакомой постели, она чувствовала себя так, словно нашла что-то, что давно искала.

Он ускорился, и их дыхание смешалось, стало одним на двоих. Она впиалась ногтями ему в спину, а он вцепился в изголовье кровати, и его толчки стали глубже, сильнее. Она кончила снова, вскрикнув, и он, почувствовав, как её мышцы сжимаются вокруг него, излился следом, содрогаясь всем телом и тяжело дыша ей в шею.

Они лежали, переплетаясь, и дождь снова начал стучать по стеклу, создавая идеальный фон для их тишины. Джессика чувствовала, как его рука гладит её по спине, и в этом прикосновении было столько тепла, что она готова была мурлыкать. Она не знала, что будет завтра, но сейчас, в этот момент, ей было хорошо. По-настоящему хорошо.

— Ты уедешь завтра? — спросил он тихо, и в его голосе не было вопроса, только констатация факта.

— Послезавтра, — ответила она. — У меня ещё одна встреча.

— Значит, у нас есть ещё одна ночь, — сказал он, и в его голосе прозвучала улыбка.

Джессика закрыла глаза. Она знала, что утром всё будет иначе. Она вернётся в Москву, к своей работе, к своей жизни, к Алеку, который ждёт её. Но сейчас, в этой квартире, пропитанной запахом скипидара и старого дерева, она хотела просто быть. Она хотела запомнить это ощущение — как его руки держат её, как его дыхание касается её кожи, как его сердце бьётся в такт с её собственным. Она хотела запомнить эту ночь, потому что знала, что больше никогда не повторит её. Это была не просто случайная связь. Это был её выбор. Её бунт. Её способ сказать себе, что она всё ещё жива. И это было самое важное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.